

МАРИАМ КАРБЕЛАШВИЛИ
(Грузия)

**Проблема сюжета поэмы Руставели
«Витязь в тигровой шкуре» в контексте геополитики:
Грузия – Европа или Азия?**

Весь двадцатый век в руствелологической науке прошёл в явных либо скрытых, но всегда предельно напряженных условиях острого противостояния двух руствелологических школ: акад. Н.Я.Март (1864-1934 гг.) резко и радикально, с присущим ему высокомерию заявил себя ярким противником исконной концепции царя Вахтанга шестого (1675-1737 гг.) – основоположника школы научной руствелологии (1712 г.) и назвал её «национально-критической школой», созданную же им самим петербургскую руствелологическую школу «научно-критической» (Март 1910: Ш, прим. 2). Кардинальным вопросом этой контрверзы была проблема такого сугубо академического характера, какой является выяснение происхождения сюжета поэмы Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре» (далее – «Вепхисткаосани» – М.К), поэтому данная контрверза с первого взгляда имела вид исключительно научного интереса в связи генезисом сюжета «Вепхисткаосани».

Но контрверза выяснения происхождения сюжета «Вепхисткаосани» – оригинальна она (Вахтанг) или «заимствована» из персидской литературы (Н.Я.Март) – подразумевает гораздо более широкий контекст, чем кажется с первого взгляда: в данной ситуации она не является лишь литературоведческой проблемой, так как вопрос генезиса сюжета поэмы Руставели напрямую связан с ориентацией всей грузинской светской культуры – относится она к Европе или Азии, а в более широком контексте перерастает в принципиальную геополитическую проблему – по своему историческому развитию Грузия страна европейского или азиатского типа со всеми вытекающими отсюда последствиями. Если Грузия – страна азиатского типа (что с таким рвением старался доказать своей политизированно-идеологизированной квазинаучной теорией Н.Я.Март), то она органичная и неотъемлемая часть российской евразийской империи, но если Грузия страна европейского типа, то она, подразумевается, от подобных притязаний свободна.

Таким образом, проблема сюжета «Вепхисткаосани» явно представляет научную проблему с политическим подтекстом, чему и посвящается данная статья.

* * *

Я и ранее отметила и на основе критериев, принятых в истории и теории литературы, попыталась доказать, что вся руствелологическая теория Н.Я. Марта – это величайший софизм во всей грузинской гуманитарной науке XX века (Карбелашвили 2000: 5-34), которая, начиная с 1890 года, на протяжении долгих

110 лет наложила тяжелейший отпечаток на уникальную, ныне уж трехвековую классическую руствелологическую школу, основанную Вахтангом.

Марровская теория персидского генезиса сюжета «Вепхисткаосани» в грузинской руствелологической научной литературе квалифицирована, как «мнение, высказанное в молодости» (Беридзе 1938: 111); **«упрямство пока что юного ученого»** (Абуладзе 1967: 177); **«предвзятое мнение»**, **«поспешное соображение»** (Имедашвили 1941: 31,95); **«отпечаток поспешности и незрелости»** (Барамидзе 1964:10); **«предвзятые гипотезы и теории»** (Барамидзе 1971: 240), **«навязчивая мысль»** (Барамидзе 1975: 64).

В связи с руствелологической теорией Н. Я. Марра грузинские ученые акцентируют его «молодость», «юность», «незрелость», «поспешность», что не может служить аргументом, так как по объективному заключению известного ученого К.Кекелидзе Н. Я. Марр «... той мысли и вере, что сюжет заимствован, был верен до смерти» (Кекелидзе 1958:162); что же касается всего руствелологического наследия Н. Я. Марра, то по такому же объективному заключению Г. Имедашвили **«Руствелологическая работа Н. Я. Марра создает не несколько теорий об основной проблеме, а несколько фаз одной теории»** (Имедашвили 1941:110; подчеркнуто мной – М.К.) и этой «одной теорией» является теория персидского происхождения сюжета поэмы.

Имея в виду представленные выше оценки известных грузинских ученых, кажется совершенно необходимым задать логический и вполне легитимный вопрос: на каком основании возникли у академика российской академии столь неуместные и недостойные для истинного ученого абсолютно иррациональные «упрямство», «навязчивость», «предвзятость» и т. д. – что-то вроде *idée fixe*, чьи «навязчивые теории и гипотезы», как и «предвзятость» ни «мнением молодости», ни «упрямством юного ученого», не его «поспешностью» и «незрелостью» не могут быть объяснены, так как суть его теории – «заимствование» сюжета «Вепхисткаосани» из персидской литературы – на протяжении всей руствелологической деятельности Н.Я.Марра не менялась, а лишь проходила различные «фазы», и эти фазы были реакционнее одна другой.

В научной руствелологической литературе много говорится о «Теории акад. Н. Я. Марра», но нет ясной и научно аргументированной квалификации этой теории; с этой точки зрения привлекает внимание следующая оценка руствелологического наследия Н.Я.Марра, которая характеризуется весьма явной и заслуживающей внимания противоречием: «Для самого Марра была характерна именно многосторонность; владея большим аналитическим умом, он был явным сторонником обобщений, **любую маленькую находку он, обычно, использовал для обобщений и получения обобщенных теоретических выводов (другое дело, насколько верны были эти выводы)**, вместе с тем, следует ясно сказать и то, что **Марр** изначально же допускал серьезные ошибки не только в области языкознания. **Он долго отводил весьма большую роль значению иноземных творческих сил, так называемым влияниям и заимствованиям по сравнению с народно-национальными истоками. Свой ранний исследовательский метод он называл**

методом «реально-исторической критики», который зачастую принимал характер простого буржуазного объективизма. В своих поздних работах Марр преимущественно руководствовался принципами вульгарного материализма и вульгарного социологизма» (Барамидзе 1985а:219-220; подчеркнуто мной – М.К.)

Теперь, после стольких столь тяжких замечаний, не стану задавать праздного вопроса – чего же осталось здравого и позитивного в исследованиях Н.Я.Марра, лишь заострю внимание на факт, отмеченный А. Барамидзе с истинно научной объективностью, что «Марр изначально же допускал серьезные ошибки».

В общем, как свидетельствует история науки, ошибки в любой области науки, обусловленные определёнными факторами, совершенно тривиальное и даже неминуемое явление также, как и их исправление в последствии, но квалификация ошибок Н.Я.Марра в виде «упорства – упрямства – навязчивости» свидетельствует лишь о том, что ошибки, допущенные академиком, не умещаются в строгих рамках науки: ведь наряду с ошибкой также существует и заблуждение – это две совершенно разные вещи.

В отличие от ошибки, **заблуждение** представляет философскую категорию с вполне конкретным определением.

Заблуждение (Irrtum) определено, как представление, мысль, или ход мысли, относительно которых хотя и существует уверенность, что они правильны, но которые не соответствуют истине, фактическим обстоятельствам, противоречат логическим законам. Источником заблуждения могут быть предубеждение, субъективные настроения, предрасположения, пристрастия. От заблуждений, которые возникают неумышленно, необходимо отличать заблуждения, вызываемые намеренно, являющиеся самообманом или обманом другого. Психологически заблуждение выглядит как в высшей степени субъективное или несовершенное толкование явления, как субъективное или неправильное заключение о явлении (Философский 1961:232).

На фоне данного определения **Заблуждения** особое значение приобретает как фактор веры, так и субъективное настроение как тенденция. В литературоведческой науке высказано соображение, что Н.Я.Марр «**Уверовал в универсальную роль Ирана в развитии культурной жизни соседних народов**» (Гвахария 1988:112), но не сказано и не объяснено, почему он «уверовал», хотя главное заключается именно в этом. Для нейтрализации тенденциозности этой «веры» там же отмечается, что «... впоследствии он значительно изменил свою позицию в этом вопросе» (Гвахария 1988:112), что не соответствует действительности. Фактически, аналогичная мысль высказана в вышецитированной статье А. Барамидзе: «**Он долго приписывал весьма большую роль значению иноземных творческих сил**», но судя по работам самого Н.Я.Марра, он «большую роль значению иноземных творческих сил» ни то что долго, а до конца жизни придавал решительное значение, к тому же не аргументировано соответствующим фактическим материалом, якобы он «впоследствии значительно изменил свою позицию»; также остается неясным, на каком основании заключил такой весьма авторитетный исследователь, каким является Г.Имедашвили, будто бы Н.Я.Марр «...**основываясь на научную**

аргументацию и факты, создает руствелологическую концепцию, по конечным итогам которой «Вепхисткаосани» оригинальное грузинское произведение» (Имедашвили 1941:110), – Так как в этом отношении теория Н.Я.Марра ни в какой мере не эволюционировала.

Самым главным и решающим в руствелологической теории Н.Я.Марра является именно то, что он поэму Руставели совершенно открыто и явно объявлял составляющей, органичной, неотъемлемой принадлежностью персидской литературы, которой обязаны были заинтересоваться востоковеды – а не «западники» – и об этом он ясно и четко писал и в конце 20-х годов XX века: **«И в самом деле, кто когда-либо удосужится в кругу подлинных квалифицированных ученых, если он не связан узами семейного, т.е. «племенного» или «расового» родства, заняться вопросом о гениальном грузинском поэте Шоте из Рустава? Казалось бы, востоковед. Никогда. Нам всем памятен интерес к грузинской литературе – живой интерес А.Н.Веселовского, совсем не востоковеда. Было бы большим грехом не вспомнить о живом отклике во французском востоковедческом органе «Journal Asiatique» на русский перевод вступительных строк «Витязя в барсовой коже», но это был живой отклик проф. В.Ф.Шишмарева, также не востоковеда, заинтересовавшегося по связи некоторых моментов с рыцарским бытом Запада и с ним связанным культом женщины и т.п. в средневековом романском мире. Ведь в интересе, на который можно было бы рассчитывать в отношении к произведению Шоты Руставского (sic! – М.К.) среди востоковедов, должна бы сыграть свою роль не гениальность автора, а то обстоятельство, что это произведение ни замалчиванием, ни систематическим отрицанием нельзя никак удалить из круга памятников, увязывающих культурно Иран с Кавказом, в частности с Грузией, нельзя разлучать его с серией памятников, переводившихся с персидского языка на грузинский, и диву даешься, когда иранисты абсолютно равнодушны к богатой переводческой грузинской литературе, кой-что сохранившей и из персидских памятников, часто весьма любопытных и иногда уникальных. Ведь здесь дело идет уже об интересе не к грузинской литературе, а к персидской»** (Марр 1928:361-362; подчеркнуто мной – М.К.)

Комментировать предельно ясную и явную позицию Н.Я.Марра по отношению к «Вепхисткаосани», высказанную в рецензии по поводу исследования грузинского ученого Павле Ингорквва «Rusthveliana», нет никакой надобности; знаменательно лишь то, что эту профанацию поэмы Руставели грузинские ученые обошли деликатным молчанием и молчаливым пренебрежением традиционной классической руствелологической школы Вахтанга обрекли на профанацию как Руставели, так и его поэму.

* * *

На фоне подобного явно апологетического отношения грузинских ученых к Н.Я.Марру поневоле вспоминается вопрос, заданный давно, в 1899 году Ильей Чавчавадзе по поводу известной газетной статьи Н.Я.Марра 1890 года: «Для кого и для чего старается он, что без доказательств так насильничает и намередается

вырвать у нас из рук наш «Вепхисткаосани»? (Чавчавадзе 1941:435), на которой сам же дал ответ, когда в самом начале руствелологической деятельности Н.Марра с гениальной интуицией указал на самое главное – его субъективное настроение, его психологию и ясно дал понять, что является истинной подоплекой того, что впоследствии было названо «Руствелологической теорией Н.Я.Марра»: «Г-ну Марру великолепно известно, каким кладом является для нас «Вепхисткаосани», великолепно известно, какого рода он крепость для нашей гордости, нашей славы, и, следовательно, если кто пожелает унижить нас, лучше уж отсюда взломать крепость нашей гордости и славы. **Если не это, то какого рода сердечный порыв может объяснить подобную необузданность угрозы и самоуверенность ученого, если вдуматься психологически?»** (Чавчавадзе 1941:434; подчеркнуто мной – М.К.)

* * *

Теперь надлежит сказать несколько слов о феномене европоцентризма, т.к. преодоление европоцентризма для России – приоритетный концепт.

Известный факт: по отношению к Западу у российской евразийской империи (будь она царистской, социалистической или федеративной, не имеет значения) всегда негативное отношение и, наоборот, подчеркнуто позитивное к Востоку.

На сей раз не считаю необходимым специальный обзор европоцентризма, как характерной философской тенденции и политической идеологии, культурно-философской и мировоззренческой установки – о ней существует обширная литература. Отмечу лишь, что согласно принятому в науке мнению, Макс Вебер наиболее последовательно рассматривал рациональность, как историческую судьбу европейской цивилизации. Следует также сказать, что в течении определенного времени Восток в сознании европейца отодвигался на задний план как нечто отдалённое и сугубо экзотическое. В таких условиях роль заступницы Востока взяла на себя Россия. Ее по наследству получила советская империя, что весьма рельефно отразилось в сфере литературоведения.

Следует отметить, что советское государство поддерживало сохранение интеллигенции в качестве влиятельной социальной прослойки и привилегированного идеологического субъекта, так как правящему классу была необходима идеологическая легитимация (Мартьянов 2009:79); так была создана «культурная элита», т.е. специальный «идеологический класс» (Мартьянов 2009:87), одним из представителей которого являлся лидер и знаменосец советского сравнительного литературоведения В.М.Жирмунский, чьи работы полны критики европейского литературоведения на фоне подчеркнутого неприятия европоцентризма.

Целенаправленная идеологическая борьба против европоцентризма не начиналась с В.М.Жирмунского – ему предшествовала основательная традиция, полученная от царистской евразийской империи, например, работа идеолога панславизма Н.Я. Данилевского (1822-1885) «Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому» (1869), где на фоне негативного отношения к Европе автор считал нужным союз России с Востоком.

Приведу несколько примеров из статей В.М. Жирмунского: «Разумеется, такая **подлинно всеобщая литература должна преодолеть европоцентризм традиционного литературоведения Запада, став историей литературы действительном и ровой** (universalle), а не только общеевропейской или еще уже – западноевропейской. Я не вижу причин для выделения Западной Европы как обособленного культурного и литературного мира, кроме привычных навыков мысли и исторических предрассудков» (Жирмунский 1979:156).

На этом фоне особенно красноречива следующая цитата, где Россия рисуется особой покровительницей восточных народов: «Если в настоящее время буржуазная наука Запада, отказавшись от широких проблем и перспектив мирового литературного развития, целиком уходит в узкую специализацию, ограничивая себя преимущественно национальным, в крайнем случае западноевропейским материалом, **то в нашем многонациональном союзе, где народы Запада и Востока в братском единении строят новую культуру, «национальную по форме, социалистическую по содержанию»**, постановка проблемы литературного процесса в широкой сравнительно-исторической перспективе с постоянным привлечением как европейских, так и восточных материалов подсказывается сама собой» (Жирмунский 1979:45).

Под конец один весьма интересный и заслуживающий внимания факт, связанный непосредственно с Н.Я Марром, который совершенно ясно показывает его полный консенсус с В.М. Жирмунским по традиционному отношению к Европе, где говорится о «разрушительной критике» индоевропейской лингвистики, учиненный Н.Я. Марром; «Если в области лингвистики гипотеза «праязыка» и «пранарода» просуществовала в буржуазной индоевропеистике до наших дней **(она впервые была подвергнута разрушительной критике в трудах советского ученого акад. Н.Я.Марра)...**» (Жирмунский 1979:98; подчеркнуто мной – М.К.). Эта фраза взята из статьи В.М. Жирмунского 1940 года; естественно, представитель «идеологического класса» её после 1950 года уже не написал бы, но сама же цитата весьма красноречиво свидетельствует, что «Яфетическая теория» – т.е. «Новое учение о языке» – Н.Я.Марра была целенаправленно создана против западной индоевропеистики.

* * *

Безусловно позитивное отношение к Востоку – в частности, к Персии – весьма явно проступает в ниже приведенном материале, где Н.Март с присущей ему категоричностью объявлял объективной истиной, будто «Именно к X-му, XI-му веку и относится расцвет персидского возрождения, увлекшего своим культурно-освободительным движением и психологически тяготевшие к Ирану народы армянский и грузинский. Исконная иранизация Грузии и создала ту благодарную почву, на которой пышно привился и в значительной степени расцвел у грузин персидский национальный эпос и персидский романтизм, так могущественно содействовавшие секуляризации их литературы, освобождению грузинской письменности из-под гнета мертвящей церковности и византийской схоластики в X-м-XI-м веках» (Март 1907:43-44).

Чем можно объяснить утверждение Н.Марром того, будто непоколебимый форпост христианского мира на Востоке – Грузия и грузинский народ, в течении многих веков ведший кровопролитные войны – впрочем, чаще всего именно с персидскими завоевателями – ценой самоотверженной борьбы охранял свою родину, язык, христианскую веру, оказывается, был «психологически тяготевшим к Ирану», а Грузия, оказывается, была «исконне иранизирована» и с помощью Ирана освободила себя от «гнета мертвящей церковности и византийской (т.е. европейской – М.К.) схоластики.» Это всего лишь один из фактов целенаправленной ориентализации Грузии.

Но главным здесь является то, что Н.Марр неслыханным антиисторизмом, полным игнорированием исторической действительности, вопреки всякому здравому смыслу и элементарной логике в своих работах единый и неделимый менталитет грузинского народа грубым насилием расколол надвое, что я ранее сравнила с двуликим божеством римской мифологии Янусом, но ныне несравненно вернее и точнее представляется сравнение с двуглавым орлом российской евразийской империи, который, согласно традиционной интерпретации, одной своей головой обращен к Западу, другой же – к Востоку.

Приведу еще один пример своевольного, превратившегося в тенденцию антиисторизма Н.Марра: **«Проблема требует пересмотра... и того, в какой мере Тамара и ее двор, вообще знать, были церковно воспитаны и в какой мере, наоборот, вся общественность Грузии была секуляризована мусульманским просвещением, если не мусульманская по исповеданию»** (Марр 1964:158).

Здесь явно проступает личный менталитет, пропитанный политической идеологией двуглавого орла российского герба: существует текст, но также существует и подтекст, который, согласно авторскому субъективному «сердечному влечению» выдает латентную информацию: христианская Грузия страна азиатская, а не европейская, ergo: Грузия – сфера влияния России.

Если добавить ко всему этому явно тенденциозную конъюнктурную оценку известных исторических фактов, элементарную недостойную ложь по поводу несуществующей «злокачественной опечатки» (Марр 1917:418, прим.2) в вопросе принципиального значения, объявление «желанной новостью» расширение «круга влияния» на грузинскую литературу «иноземных» – именно, турецких – «творческих сил», впрочем, недоказанного, что в научной литературе зафиксировано объективно, то реальная оценка сути руствелологической деятельности Н.Марра вовсе не является сложной.

Наряду с этим Н.Марр вполне разделял одну из основных, закреплённой политической традицией, идеологием российской империи: крайне негативное отношение к Европе, что также недумственно отразилось в его специальных работах по руствелологии.

Одну из своих известнейших руствелологических работ – кстати сказать, крайне тенденциозную и совершенно необоснованную – «Грузинская поэма «Витязь в барсовой шкуре» Шоты из Рустава (sic! – М.К.) и новая культурно-историческая проблема», где выдвинутое им положение о мусульманстве Руставели является

одным из составных его цельной концепции, согласно которой «Вепхисткаосани» был создан «в христианско-мусульманской среде в Месхетии» (Имедашвили 1941: 102), которая полностью основана на ложном, ненаучном, крайне субъективном шатком фундаменте – Н.Марр заканчивает пассажем, где Европа объявляется инициатором разжигания вражды между христианами и мусульманами: «Нашей же тезой является то, что знаменитая грузинская поэма возникла в определенной не только национальной, но и племенной среде в фокусе общекавказских культурно-исторических течений, в частности мусульманского и христианского живого народного взаимодействия. И возникающая в связи с этим новая проблема состоит в необходимости разъяснить факт культурного в древности содружества в крае мусульман и христиан, которые ныне **по усиленному европейским односторонним христианским влиянию убеждению всех образуют два культурно непримиримых, взаимноисключающих друг друга лагеря**» (Марр 1917:506; подчеркнуто мной – М.К.).

Н. Марр свое принципиально негативное отношение к Европе и позитивное к Азии, следуя русской политической доктрине, не раз весьма открыто выражает. В этом отношении привлекает внимание та – если не сказать более – негативная характеристика европейцев, которую находим в его работах, и которая рельефно отражает его «влечение сердца» и «психологию». Суммируя мнения Н. Я. Марра, по отношению к Востоку для европейцев характерна шаблонность представлений и поверхностность наблюдений, пристрастность, самообман, самодовольное лицемерие, возвеличение Европы и унижение Востока, где в подтексте подразумевается, что Россия является защитницей чести и гарантом Востока. Стоит обратить внимание, сколько иронии по отношению к Европе в намеренно включенной латинской фразе “*in majorem gloriam Europae*” – «к вящей славе Европы», но этого еще мало – в цитате, на которую сошлюсь, все это лишь подготовительная часть к заключительному предложению, где христианская, причастная к античному культурному наследию Грузия безапелляционно, пренебрегая историей, объявляется Азией: **«В обстановке такой действительности неразумно спешить решением нашего вопроса с плеча по современным поверхностным наблюдениям или по шаблонным представлениям европейцев. Европейцы не всегда безпристрастные судьи, когда они берут на себя смелую оценку «восточной» нравственности. От самодовольного лицемерия или самообмана не бывают свободны в таких случаях и ученые [...]. Ал.Ходзько [...] мимоходом дает любопытную характеристику восточной женщины в противопоставлении западной, европейской [...]. Я не остановлюсь на том, сколько в этом суждении европейского лицемерия, когда идеализованные романтические женские типы, созданные христианством и рыцарством, рекомендуются как реальные, и в качестве таковых сопоставляются *in majorem gloriam Europae* с заведомо низшими типами Востока! Если бы можно было не касаться этой фактической неправды в самой основе сравнения, если бы на минуту мы согласились принять характеристику женской любви на Востоке, как оно дается у Ходзько,**

правильною, нам оставалось бы признать, что Грузия не часть Азии, а часть Европы» (Марр 1910:XLV–XLVI; подчеркнуто мной – М.К.).

Естественно, в элементарных разумных рамках не уместается спор о том, Европа лучше или Азия; более того – любое противопоставление Европы и Азии само собой подразумевает отказ от культуры и цивилизации, но к чему фальсифицировать историю? Ответ на этот вопрос находим в вышеприведенных словах Ильи Чавчавадзе.

* * *

Поневоле напрашивается вопрос: чем было обусловлено создание руствелологической теории Н.Я. Марра? Или же иначе: была бы ли развита подобная антигрузинская теория, если б Грузия была независимым государством? Начиная с 90-х годов XIX века, на протяжении всего XX века проблема сюжета поэмы Руставели не была лишь академической проблемой – она являлась академической проблемой с политическим подтекстом.

Создание руствелологической теории Н.Марра не было обусловлено ни его «упрямством», ни его «упорством», ни его «невязчивым мнением», а было проявлением и реализацией его субъективного настроения, т.е. «сердечного влечения» и «психологии» по славам Ильи Чавчавадзе. Это антинациональная теория академика российской академии, которую он вполне сознательно противопоставил истинно академическому европейскому дискурсу основоположника научной руствелологической школы Вахтанга, могла возникнуть лишь в определенной эпохе, в конкретных исторических условиях, в контексте совершенно специфической политико-идеологической системы: с 1801 года Грузия, как субъект международного права на политической карте мира уже не существовала и на протяжении долгого времени представляла колонию России со всеми вытекающими отсюда последствиями; искоренение национального самосознания и обесценение культурного наследия Грузии представляла составную часть многогранного порабощения. Именно колониальное состояние Грузии в евразийской империи России обусловило появление столь идеологизированной, антинаучной, контрпродуктивной руствелологической теории Н.Марра.

Теория создателя руствелологической «научно-критической школы» в петербургском университете возникла не на пустом месте – у нее были предшественники. Известный руствелолог Г.Имедашвили пишет: **«Научная мысль с конца XIX века все же миновала верный путь национальной концепции в восприятии творчества Руставели, что было связано с целым движением недоверчивого отношения вообще к грузинской литературе, которое было зачато в клеветнических взглядах по вопросам истории и культуры Грузии ориенталиста барона Брамбеус-Сенковского. Иноземный либо национальный нигилизм в малочисленной нации отрицал возможность появления гения, оригинальность «Вепхисткаосани» и его большое всемирное значение. По его словам, культура, искусство, в частности, художественное творчество будто бы являлось рабским подражанием византийско-персидского и не имело самостоятельной ценности. После Сенковского подобной ученой «эрудицией», как известно, особенно отличились Иоганн Шерр, Патканов, Вермышев, а у нас – Иване**

Джабадари, которым надлежащим образом ответили акад. Броссе, Илья Чавчавадзе, Нико Николадзе.

Своеобразным продолжением этого движения явилось поспешно высказанное мнение тогда еще молодого ученого Н. Марра, будто «Вепхисткаосани» не является оригинальным грузинским творением, что он представляет перевод персидского подлинника лишь на том основании, что описанное в поэме действие не происходит в Грузии, действующие лица не являются грузинами, и сам Руставели называет поэму персидским сказом» (Имедашвили 1968:53; подчеркнуто мной – М.К.).

Если принять во внимание, что Н.Я.Марр «до самой смерти был верен той мысли и вере, что сюжет заимствован: «сюжет поэмы – персидская сказка, все её герои – чужеземцы востока, мусульмане по религии», вот его последние слова в руствелологии» (Кекелидзе 1958:162), то получается логическое заключение, что академик российской академии не только будучи «еще молодым ученым», а на протяжении всей своей долгой руствелологической деятельности на самом деле «миновал верный путь национальной концепции в восприятии творчества Руставели», что не может быть объяснено ни «молодостью», ни «поспешностью» ученого, ви все не соответствует действительности, будто бы Н.Марр «создал руствелологию как науку» (Имедашвили 1941:94).

* * *

С точки зрения оценки руствелологических трудов Н.Марра заслуживает внимания следующее: «С начала же должен отметить, что **Н.Марр, как руствелолог, не был последовательным исследователем, он допускал грубые ошибки, развивал взаимоисключающие мнения, иногда проблема «Вепхисткаосани» приносилась в жертву разнообразным конъюнктурным концептуальным замыслам Н.Марра**» (Барамидзе 1971:263; подчеркнуто мной – М.К.).

Истинного уважения заслуживает эта объективная квалификация руствелологических работ Н.Марра, принадлежащая большему его апологету – акадмику Александру Барамидзе (Барамидзе 1985b:164-179), но именно эта объективность побуждает задуматься и ответить на вопрос: стоило ли, чтоб непоследовательности исследователя, его грубым ошибкам, его взаимоисключающим мнениям и его разнообразным конъюнктурным концептуальным замыслам приносить в жертву «Вепхисткаосани» Руставели? И вместе с поэмой Руставели древнюю и богатую, самобытную, европейского типа культуру Грузии?

* * *

Но вот парадокс: оказалось, что для прояснения истинной сути руствелологической теории Н.Марра – конъюнктурного концептуального замысла – не было никакой необходимости привлекать и анализировать обширный материал, так как в грузинской литературоведческой науке давно, еще 70-х годов прошлого века существует всего два предложения, ясно формулирующих изложенное выше: **«Руставели – представитель восточной поэзии... Поэме Руставели нечего**

делать в Европе» (Кобидзе 1974:25; подчеркнуто мной – М.К.). Автор этих слов, известный грузинский ученый-востоковед, без всяких задних замыслов и совершенно объективно в двух кратких, почти что афористических высказываниях, ясно и четко, талантливой лапидарностью отразил всю квинтэссенцию контрпродуктивной руствелологической теории Н. Я. Марра, что оказалось не под силу многочисленным руствелологам. Справедливость вынуждает и мы, руствелологи, должны признать, что суть руствелологической теории Н. Я. Марра грузинские востоковеды поняли и разъяснили несравненно лучше, чем сами руствелологи.

Если обобщить эти два предложения Д.Кобидзе, получим не только суть руствелологической псевдонаучной теории Н. Я. Марра, но и политизированную идеологему, подразумеваемую в основе этой теории: «Вепхисткаосани» и вкупе с ним вся грузинская светская литература является неотъемлемой частью мусlimской персидской литературы; ergo: Грузия – это Азия, Грузии «нечего делать» в Европе, она неотъемлемая часть российской евразийской империи.

* * *

Для полного освещения вопроса следует сказать несколько слов о концепции Вахтанга, согласно которой Руставели «сам сделал» (т.е. сам придумал) сюжет поэмы, в основе которой заложена «народная сказка», т.е., по современной научной терминологии – фольклорная волшебная сказка. Вахтанг, благодаря своей неординарной талантливости с поразительной точностью разрешил проблему реального генезиса сюжета «Вепхисткаосани», что находит своё подтверждение в современном литературоведении о происхождении светской литературы европейского типа; общая формула зарождения и развития западноевропейской литературы «миф > фольклор > литература» (Фрейденберг 1978:9).

Зарождение и развитие светской литературы раннего средневековья на Западе определяется взаимодействием трёх основных факторов: традиции народного творчества, т.е. фольклора, и культурных воздействий античного мира и христианства (История 1947: 9). Структура фольклорной волшебной сказки является конструктивной основой рыцарского романа: «Новая светская литература создавалось на базе национального фольклора, главным образом фольклора повествовательного, и прежде всего сказки» (Пропп 1984:28), где художественный вымысел занял ведущую роль, а фантазия способствовала созданию такого феномена, каким является европейский роман. Совершенно ясно, что поэма Руставели – произведение, принадлежащее европейской культуре (Карбелашвили 2003: 29-34; Карбелашвили 2011-2012: 9-28; Карбелашвили 2012а: 284-291; Карбелашвили 2012б: 10-21).

Еще несколько слов теперь уж о теории Н.Я. Марра насчёт персидского происхождения сюжета «Вепхисткаосани»: непременно следует особо отметить, что генезис персидской средневековой светской литературы в корне отличается от генезиса западноевропейской светской литературы; согласно современному научному заключению «...главными источниками персоязычного романического

эпоса являются, с одной стороны, исторические и квазиисторические предания, сохранные книжным героическим эпосом (этот тип источников – основной для «Вис и Рамина» и «Хосрова и Ширина»), а с другой – арабские романические предания о поэтах (к ним восходят сюжеты «Варки и Гюльшах» и «Лейли и Меджнуна»). Параллельно романизации героических сказаний о древних царях происходила эпизация отрывочных полуфольклорных сказаний о поэтах» (Мелетенский 1983:161). В связи с этим необходимо сказать, что специфику персидской художественной литературы составляет использование готовых сюжетов, из коих особо популярные разрабатывались многократно разными авторами.

«Научно-критическая школа» акад. Н. Я. Марра потерпела крах не потому, что она антинациональна, а потому, что антинаучна – находится в полном противоречии с кардинальными выводами как истории, так и теории литературы.

Еще раз должна повторить, что более чем вековая контрверза царя - руствелолога Вахтанга и академика - руствелолога Н. Я. Марра закончилась, закончилась победой т.н. «национально-критической школы» царя - руствелолога и полным поражением так называемой «научно-критической школы» академика - руствелолога, что подтверждается литературоведческой наукой. Вместе с крахом квази «научно-критической школы» академика-руствелолога закончилась и идеологизированная ориентализация как поэмы Руставели, так и Грузии.

Литერатура:

- Abuladze I. *Rustvelologiuri Nashromebi*. K'rebuli Sheadgina da Gamosatsemad Moamzada Ioseb Megrelidzem. Tb.: Tbilisis universitetis gamomtsemloba, 1967 (აბულაძე ი. რუსთველოლოგიური ნაშრომები. კრებული შეადგინა და გამოსაცემად მოამზადა იოსებ მეგრელიძემ. თბ.: თბილისის უნივერსიტეტის გამომცემლობა, 1967).
- Baramidze A. *Dzveli kartuli Mts'erlobis Mk'vlevarni*. I. Nik'o Mari // Baramidze A. *Nark'vevebi Dzveli Kartuli Lit'erat'uris Ist'oriidan*. V. Tb.: gamomtsemloba "metsniereba" (1971. ბარამიძე ა. ძველი ქართული მწერლობის მკვლევარნი. I. ნიკო მარი // ბარამიძე ა. ნარკვევები ძველი ქართული ლიტერატურის ისტორიიდან. V. თბ.: გამომცემლობა „მეცნიერება“, 1971).
- Baramidze A. *Shota Rustveli*. Tb.: Tbilisis sakhelmts'ipo universit'et'is gamomtsemloba, 1975. (ბარამიძე ა. შოთა რუსთველი. თბ.: თბილისის სახელმწიფო უნივერსიტეტის გამომცემლობა, 1975).
- Baramidze A. *Dzveli Kartuli Mts'erlobis Mk'vlevarni* // Baramidze A. *Nark'vevebi Dzveli Kartuli Lit'erat'uris Ist'oriidan*. VIII. Tb.: gamomtsemloba "metsniereba", 1985. (ბარამიძე ა. ძველი ქართული მწერლობის მკვლევარი // ბარამიძე ა. ნარკვევები ქართული ლიტერატურის ისტორიიდან. VIII. თბ.: გამომცემლობა „მეცნიერება“, 1985a).
- Baramidze A. Nik'o Maris Ghvats'lisatvis Kartuli Mts'erlobis K'vlevis Sarbielze. *Matsne, els*, № 2, 1985. (ბარამიძე ა. ნიკო მარის ღვანლისათვის ქართული მწერლობის კვლევის სარბიელზე. მაცნე, ელს, № 2, 1985b).
- Beridze V. *Rustvelologiis Ist'oriisatvis*. Nik'o Mari. // *Rustavelis K'rebuli* _ 750. Tf.: sakhelgami, 1938. (ბერიძე ვ. რუსთველოლოგიის ისტორიისათვის. ნიკო მარი. // რუსთაველის კრებული — 750. ტფ.: სახელგამი, 1938).

- Gvakharia A. Nik'o Mari da Orientalist'ik'a // *Akademikosi Niko Mari - 120* (Akad. N. Maris Dabadebis 120 Ts'listavisadmi Midzghvnili Saiubileo Sesiis Masalebi). Tb.: gamomtsemloba "metsniereba" 1988. (გვახარია ა. ნიკო მარი და ორიენტალისტიკა // აკადემიკოსი ნიკო მარი — 120 (აკად. ნ. მარის დაბადების 120 წლისთავისადმი მიძღვნილი საიუბილეო სესიის მასალა-ები). თბ.: გამომცემლობა „მეცნიერება“, 1988).
- Imedashvili G. *Rustvelologia* (Ist'oriul-K'rit'ik'uli Mimokhilva). Tb.: Stalinis sakhelobis Tbilisis sakhelmts'ipo universit'et'is gamomtsemloba, 1941. (იმედაშვილი გ. *რუსთველოლოგია* (ისტორიულ-კრიტიკული მიმოხილვა). თბ.: სტალინის სახელობის თბილისის სახელმწიფო უნივერსიტეტის გამომცემლობა, 1941).
- Imedashvili G. *Vepkhist'q'aosani da Kartuli K'ult'ura*. Tb.: gamomtsemloba "metsniereba", 1968. (იმედაშვილი გ. *ვეფხისტყაოსანი და ქართული კულტურა*. თბ.: გამომცემლობა „მეცნიერება“, 1968).
- Istoria Zapadnoevropeiskoi Literaturi. Rannee Srednevekov'e I Vozrozhdenie. Pod Obshchei Redaktsiei V. M. Zhirmunskogo. M.: 1947 (*История западноевропейской литературы. Раннее средневековье и Возрождение*. Под общей редакцией В. М. Жирмунского. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство. Министерство просвещения РСФСР, 1947).
- K'arbelashvili M. *Rustvelologia XX-XXI Sauk'uneta Mijnaze: XX Sauk'unis P'roblemebi da XXI Sauk'unis P'ersp'ekt'ivebi // Shota Rustaveli*. Sametsniero Shromebis K'rebuli. I. Tb.: 2000. (კარბელაშვილი მ. *რუსთველოლოგია XX-XXI საუკუნეთა მიჯნაზე: XX საუკუნის პრობლემები და XXI საუკუნის პერსპექტივები // შოთა რუსთაველი*. სამეცნიერო შრომების კრებული. I. თბ.: 2000).
- K'arbelashvili M. Vakht'angis "Targmani" Vepkhist'k'aosnisa da Dro // *Rustvelologia*. II. Edzghvneba Vepkhist'q'aosnis Vakhtangiseuli Gamotsemis 290 Ts'listavs. Tb.: 2003. (კარბელაშვილი მ. ვახტანგის თარგმანი ვეფხისტყაოსნისა და დრო // *რუსთველოლოგია*. II. ეძღვნება ვეფხისტყაოსნის ვახტანგისეული გამოცემის 290 წლისთავს. თბ.: 2003).
- K'arbelashvili M. Vakht'angis "Targmani" Vepkist'q'aosnisa Tanamedrove Medievist'ik'is k'ont'ekst'shi // *Rustvelologia*. VI. Tb.: Lit'erat'uris int'it'ut'is gamomtsemoba, 2011-2012. (კარბელაშვილი მ. ვახტანგის „თარგმანი“ ვეფხისტყაოსნისა თანამედროვე მედიევისტის კონტექსტში // *რუსთველოლოგია*. VI. თბ.: ლიტერატურის ინტიტუტის გამომცემლობა, 2011-2012).
- K'arbelashvili M. Metsnieruli Rustvelologiis Pudzemdeblis Vakht'ang Meekvsis Evrop'uli Disk'ursi // *VI Saertashoriso Simp'oziumi. Lit'erat'uratmtsodneobis Tanamedrove P'roblemebi. Edzghvneba Vepkist'q'aosnis P'irveli Bech'duri Gamotsemis 300 Ts'listavs. Masalebi*. Nats'ili I. Tb.: Lit'erat'uris int'it'ut'is gamomtsemoba, 2012. (კარბელაშვილი მ. მეცნიერული რუსთველოლოგიის ფუძემდებლის ვახტანგ მეექვსის ევროპული დისკურსი // *VI საერთაშორისო სიმპოზიუმი. ლიტერატურათმცოდნეობის თანამედროვე პრობლემები*. ეძღვნება „ვეფხისტყაოსნის“ პირველი ბეჭდური გამოცემის 300 წლისთავს. მასალები. ნაწილი I. თბ.: ლიტერატურის ინსტიტუტის გამომცემლობა, 2012).
- K'arbelashvili M. *Vakht'ang Meekvse - Rustvelologiuri Metsnierebis Pudzemdebeli*. Mts'ignobari '12. Iia Ch'avch'avadzis Sakhelobis Mts'ignobarta Asotsiatsiis Q'ovelts'liuri Organo, Tb.: 2012. (კარბელაშვილი მ. ვახტანგ მეექვსე — რუსთველოლოგიური მეცნიერების ფუძემდებელი. მწიგნობარი '12. ილია ჭავჭავაძის სახელობის მწიგნობართა ასოციაციის ყოველწლიური ორგანო, თბ.: 2012).

- K'ek'elidze K. *Kartuli Lit'erat'uris Ist'oria. Dzveli Lit'erat'ura*. II. Tb.: St'alinis sakhelobis Tbilisis sakhelmts'ipo universit'et'is gamomtsemloba, 1958. (კეკელიძე კ. ქართული ლიტერატურის ისტორია. ძველი ლიტერატურა. II. თბ.: სტალინის სახელობის თბილისის სახელმწიფო უნივერსიტეტის გამომცემლობა, 1958).
- Marr N. O Paskop'kakh I Rabotakh d Ani Letom 1906 goda. S-Peterburg, 1907 (Marr H. *O rasponkax u rabotax v Ani letom 1906 goda*. С.-Петербург, 1907).
- Marr N. I. Vstupitil'nye I Zaklyuchitel'nye strofy "Vitjazya v barsovoj kozhe" Shoty iz Rustava. ZhMNP' XII, 1910. (Marr H.Я. *Вступительные и заключительные строфы «Витязя в барсовой коже» Шоты из Рустава*. ЖМНП, XII, 1910).
- Marr N. Gruzinskaja Poema "Vitjaz' v Barsovoj Shkure" i Novaja Kulturno-Istorivhkaja Problema. Izvestija Akademii Nauk, 1917. (Marr H.Я. *Грузинская поэма «Витязь в барсовой шкуре» Шоты из Рустава и новая культурно-историческая проблема*. Известия Академии Наук, 1917).
- Marr N. Rusthveliana. *Izvestiya Akademii Nauk SSSR*, 1927, Izd. AN SSSR, L.: 1928. (Marr H.Я. K Rusthveliana. *Известия АН СССР*, 1927, Изд. АН СССР, Л.: 1928).
- Marr N. Ob Istokakh Tvorchestva Rustaveli i Ego Poeme. Podgotovka Sbornika k Pechati. Redaktsia Teksta, Kommentarii i Primechanija I. V. Megrelidze. Tb.: Izd. AN GSSR, 1964. (Marr H.Я. *Об истоках творчества Руставели и его поэме. Подготовка сборника к печати, редакция текста, комментарии и примечания И.В. Мегрелидзе*. Тб.: Изд. АН ГССР, 1964).
- Martjanov V. Postsovetskaya Rossiya. Sotsial'no-teoreticheskie Razmishleniya // Mislyasschiya Rossiya. M.: Nekommercheskii Fond "Nasledie Evrazii" 2009. (Мартьянов В. *Постсоветская Россия. Социально-теоретические размышления // Мыслящая Россия*. М.: Некоммерческий фонд «Наследие Евразии», 2009).
- Meletinskii E. M. Srednevekovii Roman. Proiskhozhdenie I Klassicheskie formi. M.: "nauka", 1983. (Мелетинский Э. М. *Средневековый роман. Происхождение и классические формы*. М.: «Наука», 1983).
- P'rop'i V.I. *Zghap'ris Morpologia*. Targmna da Ts'inasit'q'vaoba Daurto M. Karbelashvilma. Tb.: gamomtsemloba "Metsniereba", 1984. (პროპი ვ.ი. *ზღაპრის მორფოლოგია*. თარგმნა და წინასიტყვაობა დაურთო მ. კარბელაშვილმა. თბ.: გამომცემლობა „მეცნიერება“, 1984).
- Zhirmunskii V. M. Sravnitelnoe Literaturovedenie. Zapad i Vostok. L. "nauka", 1979 (Жирмунский В.М. *Сравнительное литературоведение. Восток и Запад*. Л.: «Наука», Ленинградское отделение, 1979).
- Filosofskij Slovar'. Perevod s Nemetskogo. M.: izdatelstvo inostranoj literatury. 1961. (*Философский словарь*. Перевод с немецкого. М.: Издательство иностранной литературы, 1961).
- Freidenberg O. M. Mif i Literature Drevnosti. M.: 1978. (Фрейденберг О. М. *Миф и литература древности*. М.: Главная редакция восточной литературы, 1978).
- Ch'avch'avadze I. Somekhta Metsnierni da Kvata Ghaghadi // Ch'avch'avadze I. *Tkhzulebata Sruli K'rebuli Khut T'omad*. t. II. P. Ingoroq'vas Redaktsiit. Tb.: Sakhelmts'ipo gamomtsemloba, 1941. (ჭავჭავაძე ი. *სომეხთა მეცნიერნი და ქვათა ღაღადი // ჭავჭავაძე ი. თხზულებათა სრული კრებული ხუთ ტომად*. ტ. II. პ. ინგოროყვას რედაქციით. თბ.: სახელმწიფო გამომცემლობა, 1941).

Mariam Karbelashvili
(Georgia)

**Problem of the Plot of “The Knight in the Panther’s Skin” in
Geopolitical Context: Georgia – Europe or Asia?**

Summary

Key Words: Plot of Rustaveli’s poem, Europe, Asia, Literary Criticism, Geo-poetics.

Entire 20th century passed in the conditions of whether apparent or covered but always dramatic contradiction of two schools of Rustaveli studies: N. Marr radically confronted Vakhtang’s traditional national concept and called it “national-critical school”, while he called “scientific-critical school” the St. Petersburg’s school of Rustaveli studies founded by him. The central problem of this controversy was such issue of academic nature as the genesis of the plot of *The Knight in the Panther’s Skin* – therefore, at one glance, this confrontation was based on purely scientific interests.

But the controversion related to clarification of the substance of the plot of Rustaveli’s poem – whether it is of original nature (Vakhtang) or “borrowed” from Persian literature (N. Marr) – implies much wider context than it seems; this is not only academic problem of the literary criticism, as genesis of the plot of Rustaveli’s “*The Knight in the Panther’s Skin*” is directly related to the orientation of Georgian mental culture – whether it belongs to Europe or to Asia and in the wider context it transforms into more significant geopolitical problem – is Georgia Europe or Asia with its historical development, with all relevant outcomes.

Thus, the issue of genesis of the plot of “*The Knight in the Panther’s Skin*” was a scientific problem with political implication.

In the scientific literature the authors note that N. Marr was not a consistent researcher, he made significant mistakes in Rustaveli Studies, developed mutually excluding views and various conceptive ideas desired in given political environment, to which Rustaveli’s poem was sacrificed. In this respect it should be noted that except for the mistakes, there are the errors belonging to the philosophical category and is defined as a view, though deemed correct but in reality far from the truth, factual circumstances and contradicting to the laws of logic. Source of error may be the subjective attitude and bias. It should be noted that from the commencement of N. Marr’s work in Rustaveli studies when he stated the issue of Persian origin of the poem’s fable, Ilia Chavchavadze, with his genial intuition, focused attention on N. Marr’s personal psychology.

And indeed, analysis of N. Marr’s works in the sphere of Rustaveli Studies shows that he fully shared the doctrine of Russia’s Eurasian Empire: stressed negative attitude to the Europe and similarly stressed positive one to Asia; it is well known that overcoming of Europocentrism was the priority concept for Russia.

Development of N. Marr's biased theory in Rustaveli studies was conditioned by absolutely clear factor: since 1801, Georgia was the colony of Russia, with all relevant outcomes, including devaluation of the cultural values of the colony. So N. Marr with his theory in Rustaveli studies has deviated from the correct way of Georgian national conception.

According to Vakhtang's conception, Rustaveli's poem is based on the "folk tale", i.e., in scientific terms, it is based on folklore-fairy tale; by this significant sign the poem could be categorized as European literature with the formula "myth > folklore > literature"; history and theory of literature state that medieval European secular literature _ medieval romance of chivalry _ was created on the basis of the national folklore and primarily - on fairy-tales.

Genesis of Persian secular literature is absolutely different from European one: it is based, on one hand, on the historical and quasi-historical stories maintained by written epos and on the other hand – Arabian legends about some poet's tragic love. Existence of the plot similar to the one of The Knight in the Panther's Skin in Persian literature is not practically but also theoretically excluded.

"Scientific-Critical School" of Academician N. Marr has failed not because it is anti-national but rather because it is anti-scientific: it contradicts with the generalized fundamental conclusions of the history of literature and literary theory.

Controversion between the king Rustaveli scientist and academician Rustaveli scientist ended by victory of many-aged traditional school of Vakhtang and defeat of pseudo-scientific school of academician Rustaveli scientist N. Marr and this ended biased orientalisation of "The Knight in the Panther's Skin" and Georgia as well.

მარიამ კარბელაშვილი
(საქართველო)

**„ვეფხისტყაოსნის“ სიუჟეტის პრობლემა გეოპოლიტიკის კონტექსტში:
საქართველო — ევროპა თუ აზია?**

რეზიუმე

საკვანძო სიტყვები: ვეფხისტყაოსნის სიუჟეტის გენეზისი, ევროპა, აზია, ლიტერატურული კრიტიკა, გეოპოლიტიკა.

მთელმა XX საუკუნემ რუსთველოლოგიის დარგში ორ რუსთველოლოგიურ სკოლას შორის ცხადი თუ ფარული, მაგრამ ყოველთვის მკვეთრი კონტრადიქციის ფეთქებად პრობლემაში ჩაიარა: ნ. მარი მძაფრად და რადიკალურად, მისთვის ჩვეული ქედმაღლობით დაუპირისპირდა ვახტანგის ტრადიციულ ეროვნულ კონცეპტს და მას „ნაციონალურ-კრიტიკული სკოლა“ შეარქვა, თავის მიერ შექმნილ პეტერბურ-გულ რუსთველოლოგიურ სკოლას კი „მეცნიერულ-კრიტიკული სკოლა“ უწოდა. ამ

კონტროვერზის ცენტრალურ პრობლემას ისეთი აკადემიური ხასიათის საკითხი წარმოადგენდა, როგორც ვეფხისტყაოსნის სიუჟეტის წარმომავლობა — ამიტომ ამ დაპირისპირებას გარეგნულად ვეფხისტყაოსნის გენეზისის გარკვევის წმინდა მეცნიერული ინტერესი ედო საფუძვლად.

მაგრამ რუსთაველის ვეფხისტყაოსნის სიუჟეტის რაობის გარკვევის კონტროვერზა — ორიგინალურია (ვახტანგი) თუ სპარსული ლიტერატურიდან „ნასესხები“ (ნ. მარი) — შეუდარებლად უფრო ფართო კონტექსტს გულისხმობს, ვიდრე ერთი შეხედვით ჩანს: ეს არ არის მხოლოდ ლიტერატურისმცოდნეობითი აკადემიური პრობლემა, რადგან ვეფხისტყაოსნის სიუჟეტის გენეზისი პირდაპირ კავშირშია მთელი ქართული სულიერი კულტურის ორიენტაციასთან — განეკუთვნება იგი ევროპას თუ აზიას, ხოლო უფრო ფართო კონტექსტით აქტუალურ გეოპოლიტიკურ პრობლემაში გადადის — საქართველო თავისი ისტორიული განვითარებით ევროპა თუ აზია აქედან გამომდინარე ყველა შედეგით. თუ საქართველო აზიური ტიპის ქვეყანაა (რასაც ასეთი დიდი მონდომებით ამტკიცებდა ნ. მარი თავის პოლიტიზირებულ-იდეოლოგიზირებული ფსევდომეცნიერული რუსთველოლოგიური თეორიით), მაშინ ის რუსული ევრაზიული იმპერიის ორგანული და მიუცილებელი ნაწილია; მაგრამ თუკი საქართველო ევროპული ქვეყანაა (რასაც ასეთივე დიდი მონდომებით უარყოფდა ნ. მარი თავისი თეორიით), მაშინ იგულისხმება, რომ იგი რუსეთის პრეტენზიებისგან თავისუფალია.

ამრიგად, ვეფხისტყაოსნის სიუჟეტის გენეზისის საკითხი აშკარად წარმოადგენდა მეცნიერულ პრობლემას პოლიტიკური ქვეტექსტით, რასაც ეძღვნება ეს ნაშრომი.

სამეცნიერო ლიტერატურაში აღნიშნულია, რომ ნ. მარი არ იყო თანამიმდევრული მკვლევარი, რუსთველოლოგიაში უშვებდა მძიმე შეცდომებს, ავითარებდა ურთიერთგამომრიცხავ შეხედულებებს და სხვადასხვა კონიუნქტურულ კონცეფციურ ჩანაფიქრებს, რასაც მსხვერპლად ეწირებოდა რუსთაველის პოემა. ამასთან დაკავშირებით აღსანიშნავია, რომ შეცდომის გარდა არსებობს ცდომილებაც, რომელიც ფილოსოფიურ კატეგორიას განეკუთვნება და განიმარტება როგორც წარმოდგენა, რომლის მიმართ თუმცა არსებობს რწმენა, რომ ჭეშმარიტია, მაგრამ სინამდვილეში არ შეესაბამება ჭეშმარიტებას, ფაქტობრივ ვითარებას, ეწინააღმდეგება ლოგიკის კანონებს. ცდომილების წყარო შეიძლება იყოს სუბიექტური განწყობა, წინასწარმეგონება, მიკერძოება. აღსანიშნავია, რომ ნ. მარის რუსთველოლოგიური მუშაობის დაწყებისთანავე, როდესაც მან პოემის სიუჟეტის სპარსული წარმომავლობის საკითხი დააყენა, ილია ჭავჭავაძემ გენიალური ინტუიციით ნ. მარის პიროვნულ ფსიქოლოგიაზე გაამახვილა ყურადღება.

მართლაც, როგორც ნ. მარის რუსთველოლოგიური ნაშრომების ანალიზი მოწმობს, იგი სავსებით იზიარებდა რუსეთის ევრაზიული იმპერიის დოქტრინას: ხაზგასმით ნეგატიურ დამოკიდებულებას ევროპის მიმართ და ასევე ხაზგასმით პოზიტიურ დამოკიდებულებას აზიის მიმართ; როგორც ცნობილია, ევროპოცენტრიზმის გადალახვა რუსეთისთვის პრიორიტეტული კონცეპტია.

ნ. მარის ტენდენციური რუსთველოლოგიური თეორიის შექმნა სრულიად გარკვეულმა ფაქტორმა განაპირობა: საქართველო 1801 წლიდან რუსეთი კო-

ლონიას წარმოადგენდა, ამ ვითარებაში აქედან გამომდინარე ყველა შედეგით, რომელთაგან ერთ-ერთს კოლონიურ მდგომარეობაში მყოფი ქვეყნის კულტურულ ღირებულებათა გაუფასურება წარმოადგენდა. ნ. მარი თავის რუსთველოლოგიური თეორიით ასცდა ქართული ეროვნული კონცეფციის სწორ გზას.

საკითხის სისრულისთვის რამდენიმე სიტყვა ვახტანგის კონცეფციის შესახებ, რომ ვეფხისტყაოსნის სიუჟეტი რუსთაველმა „თვითან გააკეთა“ და მას „სოფლიო ზღაპარი“, ანუ, თანამედროვე მეცნიერული ტერმინოლოგიით, ფოლკლორული ჯადოსნური ზღაპარი უძევს საფუძვლად. ვახტანგმა თავისი არაორდინალური ნიჭიერებით საოცარი სიზუსტით განსაზღვრა ვეფხისტყაოსნის სიუჟეტის რეალური გენეზისის პრობლემა, რაც დაადასტურა თანამედროვე მეცნიერებამ ევროპული სეკულარული ლიტერატურის გენეზისის თაობაზე: ევროპული ტიპის ლიტერატურის განვითარების ზოგადი ფორმულაა: მითი > ფოლკლორი > ლიტერატურა.

კვლავ რამდენიმე სიტყვა ახლა უკვე ვეფხისტყაოსნის სიუჟეტის მარისეული თეორიის შესახებ; სპარსული საერო ლიტერატურის გენეზისი რადიკალურად განსხვავდება ევროპული საერო ლიტერატურის გენეზისისგან: ძველი დროის სპარსელ მეფეთა შესახებ არსებული საგმირო თქმულებათა რომანიზაციის პარალელურად ხდებოდა პოეტების შესახებ არსებული ნაწყვეტ-ნაწყვეტი ნახევრად ფოლკლორული არაბული თქმულებების ეპიზაცია.

აკად. ნ. მარის „მეცნიერულ-კრიტიკულმა სკოლამ“ მარცხი განიცადა არა იმიტომ, რომ ანტიეროვნულია, არამედ იმიტომ, რომ ანტიმეცნიერულია: იგი ეწინააღმდეგება ლიტერატურის ისტორიისა და ლიტერატურის თეორიის განზოგადებულ ფუძემდებლურ დასკვნებს.